

История. Библиография

Лиза Хопкинс¹

Король или самозванец?

В пьесе “Перкин Уорбек”, опубликованной в 1634 году и почти наверняка впервые сыгранной в 1633-м, Джон Форд рассказал историю с подзаголовком “Странная правда” в жанре, который сам по себе был необычным для сцены. Шекспир имел огромный успех с историческими хрониками в 1590-е и вернулся к этому жанру в 1613-м с “Генрихом VIII”, написанным в соавторстве с Джоном Флетчером, но к 1630-м исторические пьесы практически остались в прошлом. Пьеса Форда не только возродила этот жанр, но также проследила и пересмотрела его наиболее прославленные достижения, так как “Перкин Уорбек” переключается с “Ричардом II”, косвенно противоречит “Ричарду III” и заполняет лауну, поскольку Шекспир отобразил жизнь всех английских монархов между 1377 и 1547 годами, за исключением Генриха VII.

На первый взгляд, история “Перкина Уорбека” проста. У Шекспира в “Ричарде III” злокозненный король убивает в Тауэре двух своих юных племянников-принцев и захватывает трон, пока не потерпит поражение и не будет убит в битве при Босворте. Одноименный герой “Перкина Уорбека” заявляет о том, что он Ричард, герцог Йоркский, младший из двух принцев, и что он не погиб, а был тайно перевезен в безопасное место (об этих обстоятельствах говорится довольно туманно). Таким образом, он претендует на звание законного короля Англии, и в зачине пьесы его таковым признают Маргарет, вдовствующая герцогиня Бургундская, сестра Ричарда III, и тетушка настоящего герцога Йоркского, который предоставил ему деньги и корабли. Мы впервые с ним встречаемся, когда он приезжает в Шотландию, где молодой король Яков IV, не сомневающийся в правоте его притязаний, женит его на леди Кэтрин Гордон, своей племяннице, к ужасу ее отца и жениха, знатного Диела. Леди Кэтрин полюбила Перкина, но их недолгое счастье омрачает решение короля Якова объявить войну Англии и поддержать притязания своего протеже на престол. К глубокому разочарованию короля, Перкин настроен против кровопролития, англичане же отвечают как военным, так и дипломатическим выпадом: хитроумный король Генрих VII предлагает Якову в жены свою дочь Маргарет Тюдор, и таким образом два короля заключают мир. В спешном порядке изгнанные из Шотландии

Перкин и Кэтрин предпринимают попытку поднять восстание в Корнуолле, вот только Перкин снова не желает драться, он бежит накануне сражения, попадает в плен, и его привозят в Лондон. Кэтрин тоже захвачена в плен, но с ней обращаются великодушно и даже разрешают ей проститься с супругом перед его казнью.

Проблема с этим, казалось бы, однозначным сюжетом заключается в том, что мы не знаем, является ли изначальная установка правдивой или нет. Действительно ли Перкин — тот самый давно пропавший герцог Йоркский? Пьеса на этот вопрос не отвечает. Там есть намеки на такую вероятность, но они слишком тонкие и скрытые. При чтении один намек заметен визуально: при каждом упоминании Перкина в качестве короля это слово написано с заглавной буквы, как и местоимение “он”². А второй мог просматриваться только в спектакле: хотя у исторической леди Кэтрин Гордон детей не было ни от Перкина, ни от трех последующих мужей, генеалогии семнадцатого века утверждают, что она родила ему сына, Ричарда Перкина... и так же, вероятно по чистому совпадению, звучали имя и фамилия актера, игравшего Перкина в первой постановке. Само по себе это еще не доказывает факта, что Перкин был герцогом Йоркским, однако должно было создавать у зрителей странное ощущение, что актер на самом деле тот, за кого себя выдает.

При этом привлечение внимания к Ричарду Перкину означает акцент на актерской игре и самом представлении. Если Перкин не тот, за кого себя выдает, то он не просто *самозванец*, то есть человек, претендующий на трон, а еще и *лицедей*³, что составляет суть актерства. В одном отношении его игра безупречна: он разговаривает как король, чем и завоевывает любовь Кэтрин. С другой стороны, он не ведет себя как король в том смысле, что не способен проявить себя на поле битвы. Возможно, в этом и содержится намек на то, что он не королевского происхождения, хотя можно сослаться на две другие пьесы о королях, не проявивших себя в сражениях, — “Ричарда II” Шекспира и “Эдварда II” Марло, однако ни первый, ни второй не были самозванцами. В сущности, пьеса Форда показывает нам двух реальных ко-

¹ Профессор английской литературы в университете “Шеффилд Халам” (Шеффилд, Великобритания). Соредатор журнала “Shakespeare” и серии “Arden Early Modern Drama Guides”. Автор множества книг, в том числе “Шекспировские аллюзии в детективной литературе” (2016), “Литература и культура Возрождения” (в соавторстве с М. Стиглом, 2006) и “Женская героиня в трагедии Возрождения” (2002).

² *Жиль Монсаррат*. Содержательные случайности у Джона Форда. The Library. 16.4, декабрь 2015, с. 446–457.

³ Слово *pretender* содержит в себе оба этих смысла. (Прим. переводчика.)

ролей — шотландского Якова IV и английского Генриха VII, а также одного сомнительного — Перкина, и нельзя сказать, что хотя бы один из трех изображен как воистину достойный правитель. Перкин не может заполучить корону, якобы принадлежащую ему; Яков отодвигает подальше своих вельмож и подвергает королевство опасности; а Генрих, хотя и кажется успешным, самодоволен и непривлекателен и также не способен обеспечить лояльность сэра Уильяма Стэнли. К Перкину и Генриху хочется применить вердикт истории в отношении партий Алой и Белой розы, которые приведут Англию к гражданской войне меньше чем через десять лет после написания Фордом этой пьесы: Перкин, подобно Алой розе, производит впечатление “неправильного, но романтического”, тогда как Генрих, подобно Белой розе, кажется “правильным, но отталкивающим”¹.

Все это, разумеется, приводит нас к самой сути: пьеса Форда не об Англии пятнадцатого века, а об Англии времен Чарльза I, короля, чье авторитарное и своевольное правление вскоре приведет страну к гражданской войне. А если еще точнее, то эта пьеса о *Британии* времен Чарльза I, ибо она содержит не только сцены в Шотландии и Корнуолле, но также упоминает Ирландию с Уэльсом и таким образом объявляет местом действия “континент Великобритании”². Данный термин преследует две цели. Во-первых, отсылает к заветному политическому проекту Стюартов — слиянию двух королевств, Англии и Шотландии, в объединенную “Британию” — и делает это в 1633 году, когда Чарльз I вернулся в Шотландию впервые после того, как уехал оттуда ребенком, чтобы получить шотландскую корону. А еще, к несчастью для Чарльза, то был год генеалогических разногласий, начавшихся со смутных вопросов вокруг титула некоего знатного дворянина и закончившихся тем, что было поставлено под сомнение право Стюартов на шотландскую корону, и пьеса Форда прямо напоминает нам об этом, поскольку ключевого игрока в тех спорах звали Диел, и именно это имя Форд дал своему вымышленному персонажу³.

Во-вторых, упоминание Британии в целом и то, что действие происходит на отшибе, сосредоточивает наше внимание на природе и истории

“кельтской окраины”, провинции, куда наступающие саксы вытесняли местных бриттов и где на кельтских наречиях — ирландском, валлийском, корнуэльском и гэльском — говорили тогда и говорят по сей день. Сам Форд родился на юго-западе, в Девоне, который культурно, если не лингвистически, принадлежал к кельтской окраине, так что он был знаком с фольклором и мифологией региона, включая легенды о короле Артуре. Поэтому неудивительно, что “Перкин Уорбек” в чем-то напоминает легенду, замаскированную под историческую пьесу. Например, когда Перкин упоминает Милфорд-Хейвен, мы можем по ассоциации вспомнить шекспировский “Цимбелин”, где героиня отправляется на этот остров в Уэльсе. Если бы пьеса Форда была романтической драмой, все бы с легкостью поверили в то, что Перкин настоящий король.

Театральные зрители Форда могли также вспомнить другие истории, похожие на романтические легенды, о разных Лжедмитриях, объявлявших себя сыновьями Ивана Грозного. Лжедмитрий I успел поцарствовать с 1605-го по 1606 год и в лучших традициях последних шекспировских пьес утверждал, что мать спасла ему жизнь, передав врачу, который спрятал его в монастыре. Маргрета де Грация замечает, что в 1605 году анонимный автор книги “Путешествие и пребывание в России сэра Томаса Смита” сравнил Лжедмитрия I “не с кем иным, как с Гамлетом”⁴ и тем самым дал понять, что эта фигура была знакома по крайней мере одному англичанину, а также признал драматический потенциал данной истории. За Лжедмитрием I последовали Лжедмитрий II и Лжедмитрий III, и оба были “признаны” тем же человеком, что и Лжедмитрий I, его супругой Мариной Мнишек. Лжедмитрий II проявлял активность начиная с 1607 года, пока не был убит в конце 1610-го, а Лжедмитрий III оказался в центре внимания в марте 1611-го и был казнен в 1612-м. Невероятная составная фигура из трех самозванцев под одним именем выглядит как намек на его двойника, Перкина Уорбека, загадочного, неуловимого героя, вроде бы не настоящего короля, но говорящего как король, чья история тонко обращена к реальному Чарльзу I.

Перевел с английского Сергей Таск

¹ У. К. Селлар, Р. Дж. Йитман. 1066 и все такое. Лондон, “Мэтьюэн”, 1930.

² Эта тема развернута в статье Уилли Мейли «Фординизация нации: проблема Британии в сжатом виде в пьесе “Перкин Уорбек”» // *Critical Survey*. 9.3, 1997. С. 11–31.

³ См. Питер Юре. Указатель на дату фордовского “Перкина Уорбека”. *Notes and Queries*. 1970. С. 215–217.

⁴ *Маргрета де Грация*. Гамлет без Гамлета. Cambridge University Press, 2007. С. 45.